

ПОДЛИННОСТЬ: УГАСАЮЩИЙ СВЕТОЧ АРХИТЕКТУРЫ

УДК: 72.025.5
ББК: 85.11

Бабина Елена Сергеевна

аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, e-mail: calinerie@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена проблеме утраты памятниками архитектуры основополагающей ценностной характеристики – подлинности. На основе ценностного подхода автор анализирует последствия, возникающие в результате замены оригинальных зданий на макеты-новоделы, а также намечает пути преодоления кризиса подлинности.

Ключевые слова

памятники архитектуры, новоделы, исторические здания, ценность архитектурных объектов

Масштаб сносов и разрушений памятников архитектуры в последние годы сопоставим только с объемами их же восстановлений. Лихорадка обновления, захватившая города, сопровождается кризисом подлинности, что приводит к появлению чрезмерного количества макетов-псевдопамятников, или новоделов. Новоделом в архитектуре называют строение, возведенное на месте или вместо утраченного здания, в более или менее точных формах и объемах оригинала, с полной или частичной заменой материальной составляющей. Понятие новодела очень близко реставрационному термину «воссоздание», который, однако, не несет такой негативной окраски и подразумевает более внимательное отношение к памятнику. Создание новоделов ошибочно относят к реставрационной практике, целью которой является сохранение памятника во всем многообразии его ценностных компонентов, как идеальных, так и материальных. Если реставрационная теория провозглашает наивысшей ценностью памятника его подлинность [5], которая раскрывается через категории замысла, мастерства, материала и окружения, то новоделы, преобладающие сегодня над научными реставрациями в количественном отношении, культ подлинности низвергают, что в итоге приводит к серьезному изменению роли памятников в жизни города и его обитателей.

В последнее время появление таблички «ведется реставрация» не заставляет радоваться за продление жизни памятника, а, скорее, порождает страх за его полное исчезновение. Сегодня считается возможным изменить этажность исторического здания, надстроить мансарды, добавить высотный корпус, изменить цвет стен, убрать декоративные элементы; часто при сохранении фасада происходит полная перепланировка внутренних помещений. В Санкт-Петербурге после подобных трансформаций такие здания, как Введенская гимназия, доходный дом Ф.И. Лопатина («Литературный дом»), дом князя А.Я. Лобанова-Ростовского, дом Н.И. Чичерина и сотни других, несмотря на то, что они стоят на своих местах, специалистами в сфере охраны наследия отнесены к списку уже утраченных памятников [7].

Изменения в структуре памятника можно было бы объяснить и даже оправдать потребностями растущего города. Здание не может и не должно проходить через столетия в неизменном, застывшем виде, оно приспособливается к новым условиям и продолжает жить. Если реставрационная теория утверждает необходимость сохранения всех исторических наслоений на памятнике, тогда почему современная эпоха не может дополнить его, как это

естественным образом происходило все предыдущие годы? Отличие современного отношения к памятнику состоит в том, что нами уже открыты многие ценности, заключенные в его материи, и мы не имеем права пренебрегать ими. Здание может обладать историко-мемориальной, сакральной, художественно-эстетической, градостроительной, научной и другими ценностями, и это делает его настоящим универсумом, источником большого количества информации и разнообразных ощущений. При этом весь смысл памятника и любого исторического здания сосредоточен в их подлинности.

Подлинность, как уже было сказано, складывается из четырех элементов: замысел, материя (наличествующая субстанция), мастерство и окружение. Ни один из этих факторов восполнить невозможно. Для памятника утрата его физической составляющей означает потерю большинства присущих ему ценностей. Прежде всего, научной. Нет исторического материала – нет фактов. В 70-е годы прошлого века М.И. Мильчик писал: «Легко предположить, что в будущем даже из незначительных фрагментов станут извлекать информации всё больше, нежели это делаем мы, изучая сохранившиеся памятники. ...Анализ размеров кирпичей в сооружениях домонгольской поры помогает их датировать, а дендро-хронологический метод сделал возможным точно определять «возраст» деревянных конструкций» [4, с. 28]. С тех пор стали применяться еще более точные методы датирования материала – радиоуглеродный, масс-спектрометрия. Благодаря исследованию деревянных конструкций старинных церквей было выявлено, что все свойства древесины с течением времени изменяются, но не прямо пропорционально времени, а циклично. Возможно, со временем подлинный фрагмент будет играть роль ДНК, с помощью которой специалисты смогут реконструировать истинный вид исчезнувшего строения, вычислить все стадии его изменения.

Помимо этого, при утрате подлинного материала стирается представление о технологии строительства памятника. Уже сегодня осталось крайне мало специалистов, способных без применения новейших средств техники выложить обычный свод [9, с. 193].

Хорошая копия способна вернуть художественно-эстетическую ценность памятника, но только отчасти, поскольку вместе с подлинным материалом безвозвратно уходит очарование, заключенное в патине и следах времени. «Как можно скопировать поверхности, стершиеся на полдюйма?» – вопрошал Джон Рёскин, одним из первых ополчившийся на лживые приемы восстановлений [6]. О важности этих дюймов писал Алвар Аалто, тонко чувствовавший воздействие архитектуры на человека: «Когда бываешь в старых церквях, или смотришь на господскую усадьбу эпохи Густава III, или изучаешь крестьянскую постройку столетней давности, ловишь себя на том, что ты совершенно захвачен эмоциональным звучанием этой архитектуры. Возможно, ты покорен «живой» поверхностью, хранящей следы ручной обработки, искусной чистотой форм и теми простыми линиями, которые столь созвучны нашему ландшафту; а возможно, этот эмоциональный настрой возникает благодаря печати времени, лежащей на строительном материале, его многовековой патине» [1, с. 19].

При воссоздании сегодня не используют ручной труд, который вносит небольшую погрешность, а вместе с ней упомянутую живость, вибрацию, присущую всем старым зданиям. Часто пренебрегают использованием традиционного материала, заменяя его на искусственный камень, пластик и пр. Даже современная краска, которой покрывают крыши, купола и фасады, оказывается чересчур яркой, грубой*. В итоге свежереотреставрированное здание, сверкающее новизной и аккуратными линиями, зрителя привлекает, но не захватывает, не запускает цепь ассоциаций или воспоминаний. «Дом стоит, поэзия ушла», – констатировал Алвар Аалто, увидев построенную им в Выборге библиотеку после реставрации.

Замена старого материала на новый в конце концов уничтожает душу здания, следом исчезает дух места, в результате упрощается весь город. Избавляясь от благородных признаков старости – выдержанного цвета, потертой штукатурки, стоптанных лестниц, сколотых углов, низеньких флигелей, – мы лишаем город разнообразия, делаем его скучнее, поскольку не остается ничего недосказанного. Французский философ Мишель де Серто, изучавший повседневную жизнь человека, придавал очень большое значение местам города, несущим

на себе отпечаток времени и истории: «Заостренный край углового дома; крыша, изрезанная ажурными окнами, как готический собор; элегантный колодец в тени захудалого дворика – эти персонажи ведут собственную жизнь... они и действуют как история, то есть открывают некую глубину внутри настоящего... Эти дикие объекты, исходящие из недешифруемого прошлого, для нас – аналоги богов античности, «духов места». ...Они сохраняют базовый аспект города – его многозначность» [8].

Хорошее восстановление с применением традиционных технологий и материалов, основанное на достоверных источниках, либо грамотное привнесение новых строений, могут сберечь атмосферу места, но и они не восполняют утрату памятника, поскольку создают новое пространство, которому только предстоит напитаться жизнью города и приобрести собственную ценность. Итальянский писатель-постмодернист И. Кальвино, перечисляя воображаемые города, поэтично описывает запечатленную на их улицах связь времен, которую нельзя ни повторить, ни восстановить: «Я мог бы называть тебе число уступов улиц, нисходящих лесенкой, говорить о форме арок портиков и оцинкованных листах, которыми покрыты кровли, но я знаю: это все равно что не сказать ни слова, ведь определяют лик Дзаиры отношения, связывающие пространственные измерения и события былых времен. Но Дзаира не рассказывает о былом, былое – часть ее, как линии руки, оно здесь запечатлено в углах домов, решетках, громоотводах, древках флагов и перилах, которые и сами все в царапинах, зубцах, зарубках и следах ударов» [3, с. 15-16].

В результате появления чрезмерного количества новоделов, выражаясь словами Бодрийяра, происходит «эрозия культурного рельефа» города, при которой высокоценные постройки заменяются фальшивками. Неточно восстановленные памятники превращаются в своего рода симулякры, поскольку часто преподносятся как оригинальные и вводят в заблуждение зрителя относительно своей ценности и правдивости. Укореняется иллюзия, что восстановить можно все – и дворец, и церковь, и крепость, а значит, памятники беречь не обязательно. Кроме того, распространение новоделов оказывает серьезное негативное влияние на мироощущение горожанина: «простота, с которой можно повторить самые высокие достижения, словно бы подчеркивает избыточность, не востребованность личностных способностей, индивидуального начала» [2, с. 21].

В противовес наводнившим город макетам, недостаточному пониманию ценности оригинала, необходимо культивировать подлинность, например при помощи сохранения и актуализации руин.

В Санкт-Петербурге сегодня нет ни одного памятника, который представлял бы собой специально включенные в контекст города руины. Существование их отнюдь не лишило бы город его парадности, аккуратности, культурности. Напротив, обогатило бы контекст, усложнило среду, насытило ее новыми смыслами. На Сенной площади запланировано восстановление разрушенной в советское время церкви Успения Пресвятой Богородицы. С момента ее сноса облик площади сильно изменился, немногие горожане помнят или знают о том, что когда-то здесь был храм. Археологи смогли раскрыть остатки фундамента, разработан проект реконструкции, в скором времени между станцией метро, торговым центром и жилым домом будет вписан еще один новодел. Насколько удачнее было бы законсервировать камни фундамента и оставить их на площади прямо в таком виде. Почему Новая Голландия, главное достоинство которой – неповторимая таинственная аура – должна превращаться в современный рекреационный комплекс без единой щербинки на кирпиче? Почему форты Кронштадта, не менее увлекательные в своем нынешнем виде, чем Новая Голландия, не могут быть законсервированы и представлены широкой публике, а ждут девелоперов, которые превратят их в новенькие рестораны и мини-отели без всякого характера?

Конечно, не стоит ставить под стеклянный колпак все существующие аварийные здания. Их следует реставрировать и вдумчиво приспособлять к новой жизни, но это – отдельный большой разговор. Некоторое количество руин, присутствующих в городе, способствует

возникновению понимания у широкого зрителя, что такое подлинность, указывает на хрупкость наследия и невозможность его возрождения.

Копии хорошо справляются с возобновлением градостроительной и историко-мемориальной ценностей. Но при том вреде, который они могут нанести существующим памятникам и городу, добиваться возвращения этих ценностей иногда следует другими способами. Например, обозначать место символами, которые отсылают к его прошлому (крест на месте снесенной церкви, оформление современных строений и брандмауэров, мемориальные таблички, скульптуры и т.д.). Для заполнения лакун или гармонизации архитектурных ансамблей больше подойдут новые постройки, чем фальшиво восстановленные давно утраченные памятники.

Выводы

Подлинные исторические здания – важный ресурс города, потенциал которого раскрыт не до конца. Их замена на новые сооружения влечет за собой утрату большинства ценностей, присущих оригиналам, а также отрицательно сказывается на восприятии всего городского пространства, лишая его индивидуальности и многозначности. Недопустимо наделение новоделов достоинствами истинного памятника, с одной стороны, и нивелирование значимости подлинного материала – с другой. Добиваться должного отношения к историческим зданиям следует через культивирование их подлинности.

---

*Отличие старой краски можно понять на примере сохранившихся древних фресок. На улицах города такие цвета найти теперь очень сложно, они таятся в укромных уголках, вроде потолка колоннады Казанского собора, где можно увидеть удивительный охряный оттенок желтого.

Библиография

1. Аалто, А. Архитектура и гуманизм: сб. ст. / А. Аалто. – М.: Прогресс, 1978. – 221 с.
2. Дриккер, А.С. Уникальность и тиражирование в цифровую эпоху / А.С. Дриккер // Использование современных мультимедийных технологий в целях исследования, сохранения и реставрации объектов культурного наследия: сб. докл. Всероссийской конф. – СПб., 2012. – С. 16–23
3. Кальвино, И. Невидимые города / И. Кальвино. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 223 с.
4. Мильчик, М.И. Подлинник или копия? О границах архитектурной реставрации / М.И. Мильчик // Ленинградская панорама. – 1982. – №8. – С. 26–29
5. Нарский документ о подлинности [Электронный ресурс]. – 1994. – URL http://www.maps-moscow.com/index.php?chapter_id=213&data_id=153&do=view_single
6. Рёскин, Дж. Семь светочей архитектуры / Дж. Рёскин. – СПб: Азбука-классика, 2007. – 320 с.
7. Санкт-Петербург: наследие под угрозой. = Saint Petersburg: Heritage at Risk // Совместный отчет НОД “Живой город”, британской организации SAVE Europe’s Heritage и Московского общества охраны архитектурного наследия (MAPS). – 2012. – 256 с.
8. Серто, М. Призраки в городе [Электронный ресурс] / М. де Серто // Неприкосновенный запас. – 2010. – №2 (70). – URL <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/se12.html>
9. Тютчева, Н. Прошлое сообщает, а будущее вдохновляет / Н. Тютчева // Проект Россия. – 2012. – № 65. – С. 192–193.

Статья поступила в редакцию 01.05.2013

AUTHENTICITY: THE LAMP OF ARCHITECTURE DYING OUT

Babina Elena S.

PhD student,
Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: calinerie@mail.ru

Abstract

The article deals with the problem of loss by architectural monuments of their initial value characteristic - authenticity. On the basis of the axiological approach, the author analyses implications arising from the replacement of original buildings by modern replicas and outlines ways to overcome the authenticity crisis.

Key words:

architecture monuments, remakes, historical buildings, value of architectural objects

References

1. Aalto, A. (1978) Architecture and Humanism: collected articles. Moscow: Progress.
2. Drikker, A.S. (2012) Uniqueness and Multiplication in the Digital Age. Using Contemporary Multimedia Technologies for Studying, Conservation and Restoration of Cultural Heritage: Proceedings of the National Conference. Saint-Petersburg, 2012.
3. Calvino, I. (2011) Invisible Cities. Moscow: AST: Astrel.
4. Milchik, M.I. (1982) An Original or a Copy? On the Limits of Architectural Restoration. Leningradskaya Panorama, No.8, p. 26–29
5. The Nara Document on Authenticity [Online]. 1994. Available at: http://www.maps-moscow.com/index.php?chapter_id=213&data_id=153&do=view_single
6. Ruskin, J. (2007) The Seven Lamps of Architecture. Saint-Petersburg: Azbuka-klassika.
7. Saint Petersburg: Heritage at Risk. Joint report of Live City public movement, SAVE Europe's Heritage, and Moscow Architecture Preservation Society (MAPS). (2012).
8. Certeau M. de (2010). Ghosts in the City [Online]. Neprikosnovenny Zapas, No.2 (70). Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/se12.html>
9. Tyutcheva, N. The Past Communicates, and the Future Inspires. Project Russia, No. 65, p. 192–193.